

Когда весь класс наконец-то был в сборе, Лао Ван решил создать родительский чат. Требование было простым: от каждого ученика в группе должен присутствовать хотя бы один родитель. Но для Чжао Жуншуана, единственного во всей школе «одинокого волка», эта задача оказалась невыполнимой.

Поэтому во время утреннего чтения он вызвал его в коридор для конфиденциального разговора.

— Жуншуан, в чём дело? Почему твои родители до сих пор не добавились в чат?

Жуншуан подготовился заранее. Он тяжело вздохнул, и на его лице отразилась такая мучительная внутренняя борьба, будто он бередил глубокую душевную рану. Наконец он тихо произнёс:

— Учитель, признаться честно... я круглый сирота. Семья моя... живёт в крайней нужде. Мне просто некого добавлять в группу.

Лао Ван опешил. Он-то думал, что у парня разыгрался обычный подростковый бунт — не хочется, мол, чтобы предки совали нос в школьную жизнь. А за этим, оказывается, скрывалась столь трагическая судьба!

В отношении своих учеников он всегда отличался редким великодушием и никогда не искал в их словах подвоха. Не усомнившись в признании Жуншуана ни на секунду, он ободряюще похлопал юношу по плечу:

— Ничего, Жуншуан! Когда закрывается одна дверь, Бог непременно открывает другую. Главное — не падай духом.

— Спасибо, учитель. Я справлюсь.

Его тихий, смиренный тон заставил сердце Лао Вана сжаться от жалости. Учитель тихо вздохнул:

— И почему ты не сказал мне раньше? Ну да ладно, теперь мы это исправим. Собери необходимые справки, подтверждающие твоё положение, а я помогу тебе оформить школьное пособие. Таким образом...

— Нет-нет! Что вы, учитель! Мне не нужно пособие!

Разумеется, Жуншуан не мог признаться Лао Вану, что история про сиротство — чистой воды выдумка. Он поспешно замахал руками:

— Я бесконечно благодарен вам за доброту. Но я уверен, что в школе найдутся ребята, которым эти деньги нужнее, чем мне. Вы ведь знаете, я неплохо рисую. За одну картину мне платят по двести-триста юаней! Да и других способов заработать у меня полно. Я вполне могу обойтись без государственной помощи — пусть эти деньги достанутся тем, кто действительно на грани.

— Жуншуан, мальчик мой, ну у кого в нашей школе обстоятельства могут быть тяжелее твоих?

...

Логика Лао Вана была безупречна. Но мог бы он проявить хоть капельку уважения к чужой гордости?

Жуншуана впервые в жизни так бесцеремонно ткнули носом в его бедность.

«Да знаю я, что беден! И от денег бы не отказался! Но где я, чёрт возьми, возьму фальшивые справки о нищете?!»

Мысленно схватившись за ноющее сердце, Жуншуан вымучил самую благородную улыбку, на какую только был способен:

— Учитель, брать деньги, которых я не заработал, не позволяет мне совесть. Если я приму эту милостыню, то буду чувствовать себя не в своей тарелке, а это наверняка скажется на учёбе!

«Спасибо за заботу, Лао Ван, но умоляю, смени тему...»

Раз уж ученик проявил такую твёрдость характера, Лао Ван, не привыкший неволить людей, отступился. Он был до глубины души тронут тем, насколько этот мальчик «крепок духом перед лицом невзгод».

— Ну хорошо. Не хочешь — как хочешь.

Но стоило Жуншуану облегчённо выдохнуть, решив, что он свободен, как лицо Лао Вана мгновенно изменилось. От недавнего сочувствия не осталось и следа. Если бы взглядом можно было резать, Жуншуана сейчас искромсали бы на мелкие кусочки.

— Кстати, о птичках. Коллеги жалуются, что ты на уроках постоянно спишь. Как ты это объяснишь?

«Ну и метаморфозы! От такого перепада температур недолго и инфаркт получить!»

К счастью, Жуншуан был тёртым калачом по части оправданий перед классным руководителем. Он слегка понизил голос, придав ему виноватое звучание:

— Ах, учитель... Мне ужасно неловко. Дело в том, что вчера я допоздна засиделся за домашним заданием... Вот днём голова и отключилась...

Для пущей убедительности он пустил в ход своё главное оружие — устремил на Лао Вана преисполненный раскаяния взгляд побитой собаки.

Он прекрасно знал слабости классного руководителя: Лао Ван просто физически не мог злиться, когда на него смотрели с такой беззащитной виной.

Во время самоподготовки Жуншуан ухитрялся дремать незаметно, но стоило начаться полноценным занятиям, как его сонная болезнь стала достоянием общественности. Когда его спрашивали, почему он постоянно клюёт носом, у него наготове было два ответа.

Первый — «история о ночном усердии над учебниками» — предназначался исключительно для преподавателей.

Одноклассникам же он демонстрировал абсолютное безразличие:

— Да тоска смертная на этих уроках. Сон — единственный способ не умереть со скуки.

Завершался этот монолог демонстративным зевком — исключительно ради того, чтобы подразнить окружающих.

Если бы кто-то посмел обвинить его в двуличии, Жуншуан бы искренне возмутился. У него имелось вполне солидное философское оправдание.

Конфуций говорил: «Учи в согласии с талантом».

А Жуншуан вторил:

«Отвечай в согласии с физиономией!»

Но с тех пор как Чжоу Цзэвэнь впервые задал ему этот вопрос, Жуншуану пришлось изобрести третью версию ответа.

— Ты что, опять спал на уроке? — спросил как-то Цзэвэнь.

— И вовсе нет! Тебе показалось! — отрезал Жуншуан.

«Стоять на своём насмерть, отпираться до последнего вздоха!»

Да и как тут признаешься? Цзэвэнь учился блестяще, ловил каждое слово учителей и аккуратно исписывал тетради конспектами. Расписаться перед ним в собственной лени было бы верхом позора. Отношение к учёбе — вопрос принципиальный, сознаться в разгильдяйстве — значит потерять лицо. Ни за что!

Как сосед по парте, Цзэвэнь прекрасно видел все уловки Жуншуана. Обычно он слушал лекции с головой, но стоило ему заметить, как Жуншуан подпирает голову рукой, а другой лениво выводит каракули на черновике, становилось ясно: парень уплывает в царство Морфея.

В такие моменты Цзэвэнь незаметно толкал его локтем и шептал:

— Встряхнись. Слушай внимательно.

Получив спасительный тычок, Жуншуан мгновенно приходил в себя. Он быстро тёр лицо ладонями, переворачивал исписанный каракулями лист черновика, чтобы никто не заметил его художеств, выпрямлял спину и устремлял преданный взор на доску.

— Я не спал, — бурчал он под нос, изо всех сил делая вид, что ни на секунду не отвлекался от темы.

Спустя некоторое время Жуншуан, нахмурившись, перевёл взгляд на соседа. Ему это казалось дикостью. Разве круглые отличники не должны знать школьную программу на три шага вперёд? Зачем этот парень с таким упоением слушает элементарные вещи? Неужели ему не скучно? Не клонит в сон от этой нудятины?

И тут в голове Жуншуана, как это часто бывало в моменты глубоких раздумий, вспыхнула шальная мысль.

«Неужели он ненастоящий отличник?»

«О боже! Если это так, то моё открытие сравнимо разве что с открытием Америки Колумбом! И если его дутая репутация лопнет, то не появится ли у меня шанс вернуть себе единоличное право на стипендию?»

От этой мысли на душе стало тепло и радостно.

Жуншуан уставился на Цзэвэня такими сияющими глазами, что, не будь они в классе, у него, наверное, потекла бы слюна.

— Ты чего на меня вылупился? — не выдержал Цзэвэнь.

— А? Да нет, ничего! — Жуншуан поспешно отвёл взгляд. Рассматривать соседа по парте посреди урока было всё-таки неловко. Но раз уж Цзэвэнь впервые заговорил с ним не только ради того, чтобы разбудить, он не упустил случая поддразнить своего серьёзного товарища: — Ты же так внимательно слушаешь учителя. Как ты заметил, что я на тебя смотрю? Признайся, ты ведь сам тайно наблюдаешь за мной?

— Зачем мне на тебя смотреть? Слушай урок.

— Так я и слушаю! Просто ушами, а не глазами.

— Вот и отвернись.

— И всё-таки, как ты узнал, что я смотрю на тебя, если сам на меня не смотрел? — Жуншуан лукаво прищурился, не сводя с одноклассника насмешливого взгляда.

Поняв, что спорить с этим демагогом бесполезно, Цзэвэнь лишь тяжело вздохнул. Он раздражённо взглянул на свои наручные часы, а затем смерил Жуншуана ледяным, обещающим скорую расправу взглядом: «Ты когда-нибудь уймёшься?»

— А часики-то у тебя ничего... — протянул Жуншуан.

«Дорогая марка, однако. Сразу видно — парень при деньгах».

Закончить мысль он не успел: их безмолвная дуэль у задней парты не осталась незамеченной у доски.

— Чжоу Цзэвэнь, Чжао Жуншуан. О чём это вы там так увлечённо шепчетесь? Может, встанете в конце класса и обсудите свои дела там? М?

Учительница химии, обладавшая очаровательной внешностью фарфоровой куколки, умела произносить самые безжалостные приговоры воркующим голосом, сохраняя при этом выражение абсолютной детской невинности на лице.

Выглядело это мило, но от её тона по спине пробежал ощутимый холодок.

Делать нечего, авторитет учителя непререкаем.

Обоим пришлось покорно взять учебники и отправиться в изгнание к задней стене кабинета.

— Цзэвэнь, а ты знаешь, что меня впервые в жизни оставили стоять на уроке? И надо же — за компанию с тобой.

— Меня тоже, — холодно отозвался тот.

— Ну точно судьба!

— Помолчи лучше. Будешь болтать — отправимся стоять в коридор.

Цзэвэнь кивнул на окно, за которым нещадно палило полуденное солнце. Жуншуан спорить не стал: перспектива оказаться вне поля зрения учительницы манила, но превращаться в запечённый картофель на солнцепёке ему не хотелось.

После химии прозвенел звонок, возвестивший об окончании уроков. Цзэвэнь, обычно уходивший домой в гордом одиночестве, на этот раз придержал Жуншуана за плечо.

— Выйдем, — бросил он коротко. — Есть разговор.

— О, с радостью! Пошли! — Жуншуан пропустил мимо ушей его холодный тон, панибратски ухватил за руку и потащил к выходу.

В его глазах это было прямым подтверждением поговорки «друг познаётся в беде». Если благодаря этой нелепой стоянке у стены ему удастся втереться в доверие к богатенькому однокласснику, то наказание определённо того стоило! Довольный собственной сообразительностью, он весело вышагивал по коридору.

Впрочем, его радужные мечты быстро разбились о суровую реальность. Едва они переступили порог класса, как Цзэвэнь спокойно, но решительно высвободил свою руку.

— Ты чего? — Жуншуан недоумённо захлопал глазами.

— Ничего. Не люблю, когда меня трогают. Не принимай на свой счёт.

— А, пустяки! У каждого свои причуды, я не обидчивый!

Жуншуан беззаботно отмахнулся, хотя в душе всё же немного удивился.

«Сам ведь позвал вместе пойти, а руку пожать брезгует. Станный тип».

— Держи, — Цзэвэнь достал из кармана маленький флакончик с жидким ментоловым бальзамом. — В следующий раз, как начнёт клонить в сон, помажь виски. И ложись спать пораньше.

— Это ещё что? — Жуншуан покрутил в руках симпатичный зелёный пузырёк, переводя взгляд с него на соседа. И тут до него дошло: — А, так это не порыв искренней дружбы после совместных испытаний... — Он с явным разочарованием засунул подарок в карман.

— Каких ещё испытаний?

Для Цзэвэня ход мыслей Жуншуана оставался полной загадкой. Тот лишь неопределённо хмыкнул, разглядывая товарища. Пока они стояли в нерешительности, со стороны лестницы послышался топот быстрых ножек, и звонкий детский голосок эхом разнёсся по коридору:

— Братик! Братик!

Жуншуан в изумлении широко раскрыл глаза:

— Ого! Это чудо из твоего семейства?

Не успел Цзэвэнь ответить, как подбежавшая малышка — Чжоу Жовэнь, которую дома безжалостно звали Сяо Пи, — радостно вцепилась в рукав Жуншуана:

— Старший братик! Так ты правда одноклассник моего брата!

— Истинная правда! И не просто одноклассник, а сосед по парте!

— Ну слава богу, теперь я спокойна! Давай мою конфету! — Малышка требовательно протянула крошечную ладошку.

Жуншуан сразу узнал её. Именно эту девчушку лет пяти-шести он встретил вчера у лестницы. Тогда она показалась ему такой забавной, что он попытался подкупить её леденцом, надеясь услышать заветное «старший братик». Но юная особа оказалась с характером: даже не взглянув на сладость, она лишь высокомерно фыркнула и умчалась наверх.

Жуншуан после этого полдня предавался экзистенциальной тоске.

«Что не так с нынешним поколением? То ли я растерял былую харизму, то ли леденцы нынче не те».

И надо же было такому случиться — вредная девчонка оказалась сестрой Цзэвэня! Вот уж

действительно тесен мир.

Одно плохо: прямо сейчас никаких конфет у Жуншуана при себе не было.

Заметив замешательство на лице соседа, Цзэвэнь мягко отстранил сестру:

— Сяо Пи, води себя прилично. Кто же так бесцеремонно кланчит сладости при встрече?

«Сяо Пи?»

Жуншуан мысленно поперхнулся.

«Серьёзно? Кто вообще додумался дать прелестной девчурке прозвище, от которого за версту несёт... детской неожиданностью?»

— Но он же больше не чужой! — возразила Сяо Пи. К своей кличке она, видимо, давно привыкла и ничуть не смутилась. У неё была своя, железобетонная логика. — Этот братик учится с тобой, и мы уже виделись вчера! Правда ведь, братик?

— Правда, виделись.

— Вот видишь! Мама говорит, что у незнакомцев ничего брать нельзя. Но раз мы знакомы, значит, конфету есть можно!

Так вот почему она отказалась вчера. Но проблема заключалась не в этических дилеммах, а в банальном отсутствии объекта спора.

Обманывать детей — последнее дело, но судьба не оставила Жуншуану выбора.

С самым виноватым видом он вывернул карманы ветровки. Они были девственно чисты.

— Прости, малышка. Сегодня у меня с собой совсем ничего нет.

При этих словах девочка прослезилась. С видом величайшей в мире несправедливости она ухватила за край его куртки и жалобно заканючила:

— Ну как так-то? Зачем обманывать маленьких? Я ведь такая милая и умная, неужели я тебе совсем не нравлюсь, братик?

— Ладно, ладно! Торжественно обещаю! Завтра, как только придёшь, я подарю тебе самый

огромный, самый сладкий леденец в мире! Идёт?

— Идёт! Только чур не забывать! — Получив твёрдое обещание, девчушка мгновенно забыла про слёзы и весело запрыгала на месте.

— Сяо Пи у нас жуткая сладёна, избаловали мы её, — вздохнул Цзэвэнь, глядя на сестру с невольной нежностью. Капризы капризами, но младшую сестру оставалось только баловать.

— Да она не просто сладёна, — рассмеялся Жуншуан, приседая перед девочкой на корточки и легонько щипая её за щёчку. — Ты ведь у нас маленькая хитрюга, верно? Признавайся, небось дома только и делаешь, что вьёшь из брата верёвки?

— Я не хитрюга! Я маленькая умница! — Сяо Пи отбежала на пару шагов и обернулась к Цзэвэню: — А мой брат — увалень! Он соображает медленно и никогда не может отгадать мои загадки с подвохом!

— Твой брат вовсе не увалень, — возразил Жуншуан, глядя снизу вверх на Цзэвэня. Юноша, стоявший в коридоре, казался скорее худощавым, даже хрупким.

— Увалень, увалень! — упрямо повторила Сяо Пи. Она снова подбежала к Жуншуану и дёрнула его за рукав: — А пойдём сегодня к нам в гости? Я покажу тебе его детские фотографии, он там такой круглый!

Цзэвэнь в смущении закрыл лицо рукой:

— Сяо Пи, ну сколько можно... Пожалуйста, перестань тащить домой каждого симпатичного парня, которого встретишь на пути...

Судя по всему, для девчушки это было привычным делом.

— Я привожу только тех, кто нравится тебе! Тех, кто тебе не нравится, я и сама не люблю! — гордо заявила маленькая разбойница, явно считая себя великой помощницей.

Она побежала вперёд, заметив у ворот школы отца.

Отец Чжоу оказался добродушным мужчиной средних лет, чьё открытое лицо сразу располагало к себе. Под восторженное щебетание Сяо Пи Жуншуан удостоился чести быть представленным главе семейства.

Малышка продолжала настойчиво звать его в гости, но Жуншуан, вежливо сославшись на дела, поспешил откланяться. На прощание девочка усердно замахала ему рукой, крича на всю улицу:

— Братик, обязательно приходи к нам играть вместе с моим братом!

Цзэвэнь увёл неугомонную сестрёнку в салон новенького BMW.

«Элитная иномарка, дорогие часы... — Жуншуан проводил взглядом мягко тронувшийся автомобиль. — Да уж, этот парень на шестьсот восемьдесят баллов и впрямь чертовски богат».

<http://bllate.org/book/20592/2119097>